

СТРОИТЕЛЬСТВО ОКНА В ИСТОРИЮ

«...История — свидетель прошлого, свет истины, живая память, учитель жизни...»

Цицерон

Рубрику ведет Мария Трошко

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО БЕЛАРУСИ:

*«А ў гумне
старонкі
пойныя саломкі»*

Слово «старонкі» в заголовке статьи — вовсе не проявление легковесного или как бы легкомысленного отношения к окружающему пространству. Это обычный в практике народного строительства термин, означавший части гумна — хозяйственной постройки, предназначенной для хранения и обмолота снопов. «Старонкі» — это отделенное невысокими стеночками пространство по сторонам проезда или тока в гумне. А само упоминание «старонак» в фольклоре, в данном случае из Ивьевского района, в таком контексте — «поуныя саломкі», было свидетельством благополучия семьи, удачного ведения хозяйства, хороших перспектив и т. д. Ведь если в гумне соломы много, то и зерна собрано немало. Всегда было, да и сегодня в нашей жизни используется, как один из важнейших, этот показатель экономической успешности — хороший урожай.

Редакция продолжает публиковать серию статей доктора архитектуры, заведующего кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий» Белорусского национального технического университета, собирателя архитектурного наследия земли белорусской Сергея Алексеевича на общую тему «Народное зодчество Беларуси».

Гумно

Правильно разместить постройку на усадьбе было крайне важно. Главенствовал, прежде всего, принцип экономии земли. Ее надо было оставить как можно больше незастроенной, чтобы иметь больше возможностей для производства продукции. Кроме того, устройство удобных коротких связей между постройками — это экономия времени и энергии на выполнение хозяйственных работ, допустим, по уходу за домашними животными, то есть своего рода свидетельство того, что берегающие технологии реализовывались и в народной архитектуре. Однако слишком большая плотность застройки, характерная поселениям в прошлом и являвшаяся следствием социально-экономических проблем, нередко оборачивалась и великими бедами. Насколько важным было правильное размещение строений свидетельствуют данные из достаточно близкого к нам XIX в. В местечке Новая Мышь (Барановичский район) «сгорели от неосторожного обращения с огнем 188 домов и 298 холодных строений», а через 10 дней еще 119 построек (1887). В местечке Любча (Новогрудский район) «ночью сгорело 234 дома, 90 амбаров и лавки» (1889). В местечке Паричи (Светлогорский район) «сгорело 316 домов, 304 холодных надворных строения, 4 общественных здания» (1891 г.). И это в тех местах, где строили гумна, в которых не делали печи для досушки снопов. А это значит, что опасность еще больше повышалась на севере и востоке Беларуси, где гумна были совсем другие — с печами. Поэтому гумна старались поставить подальше от основных строений усадьбы, на специально выделенной территории. В них ведь хранилась солома, много соломы, а вдруг загорится? И если пожар, не дай Бог, все же произойдет, то это будет в стороне от основных строений деревни — хат.

Это сооружение относится к распространенному в Европе типу хозяйственных построек для хранения, сушки снопов и их молотбы. Дело в том, что лето в Беларуси, нередко и в пору жатвы, могло быть дождливым. Поэтому снопы надо было быстрее убрать с поля под крышу, где они досушивались, а потом их там же и обмолачивали. Своими размерами и формами гумно заметно выделялось среди других сооружений усадьбы (рис. 1). Названия их различны: гумно — на большей части Беларуси; клуня — на юго-западе Полесья; ток — на Поозерье, на Поднепровье иногда встречалось — хлебный сарай. Но различие в названиях не означает разницы в сути и назначении этого сооружения, хотя региональные особенности в архитектуре имеются.

Основные части гумна (рис. 2): проезд, который мог идти через все гумно, то есть быть сквозным проездом; ток — выбитая глиной площадка, обычно в центре сооружения, где обмолачивали зерно; отделенные от тока невысокими стенками («застранками») отсеки («старонкі», «стораны», «торпы»), где хранились снопы до обмолота и солома после обмолота; 1–2 невысокие пристройки снаружи для хранения мякны («мякнінкі») либо выделенное для этой цели пространство внутри гумна; осеть или евня — сушилка в виде сруба внутри гумна, где с помощью простейшей курной печи досушивали снопы перед обмолотом. Сейчас все эти названия уходят из обихода, а ранее они многое означали для местных жителей.

В зависимости от размеров, размещения на территории усадьбы, региональных особенностей известны различные схемы планировочных решений гумен. Наибольшее распространение имело прямоугольное в плане гумно с въездом в продольной стене или со сквозным проездом через ворота в поперечных стенах (рис. 3–4). Гумна, в которых проезд внутри делался с поворотом на 90 градусов, известны повсеместно, но строились гораздо реже. Известны также гумна шести- и восьмигранные в плане. Такая форма содействовала повышению конструктивной жесткости сооружения, имевшего значительные пролеты, и позволяла разнообразить объемные решения, но все же не позволяла получить сооружение крупных размеров.

Основные несущие конструкции гумна — невысокие стены и сохи или столбы, поддерживающие крышу. Стены чаще делали смешанной конструкции: в углах рубили с остатком в простой замок, а участки между углами имели столбы. Нижний и верхний венцы делали из бревен большого диаметра, остальная часть

стен — из бревен, распиленных пополам и уложенных плоской стороной внутрь гумна. Несмотря на то что венцы иногда соединялись между собой даже нагелями, особой плотности соединений не добивались. Щели обеспечивали вентиляцию, необходимую для сушки снопов. Известны также гумна, полностью построенные столбовым способом (рис. 5). В пространство между столбами иногда ставили плетень. Гумна столбовой конструкции могли не уступать по параметрам более совершенным зданиям этого типа, а порой и превосходили их.

Количество сох определялось размерами гумна, что в свою очередь, зависело от экономического потенциала хозяйства. Установка сох в один ряд, по оси здания, известна в основном в клунях Полесья (рис. 6), не имевших больших размеров. Известны там были клуни и вообще без сох, с использованием в конструкции крыши заката. Но на остальной территории Беларуси наибольшее распространение получила установка сох парами в два ряда (рис. 7). Обычно сох было две или три пары. Большое распространение имели сохи из дубовых стволов с естественной развилкой вверху. Со временем, в связи с дефицитом древесины дуба, переходят на столбы, чаще сосновые. Наиболее известная система связей между сохами — из двух горизонтальных брусев: верхний («шапка») и нижний меньшего сечения («вышки», «палатки»). На шапку ставили козлы или сошки, поддерживавшие коньковый прогон («сволока»). Крыша создавалась жердями («ключами»), навешивавшимися на «сволоку» и прогоны, лежавшие на сохах.

Кстати, «вышки» и «палатки» — термины, определявшие и другие элементы народной архитектуры. «Вышки» — это чердак хлева, а «палатки» — второй ярус настила для сна в хате. Но общее в них — обозначение уровня, приподнятого относительно основания. Вот и в гумне дощатый настил по балкам (здесь досушивался горох или что-либо иное) получил такое название.

К гумну иногда пристраивали «манеж» (конную молотилку) с крышей в виде навеса на столбах — деревянный механизм с минимальным использованием металлических элементов, образец конструкторского мышления народных строителей. Рядом с крупным объемом гумна появлялся поддерживаемый столбами шатер соломенной крыши, прикрывавший сверху механизм (рис. 8). Но были известны и рубленые пристройки манежа к гумну, и его самостоятельное решение в виде отдельного восьмигранного сруба, стоящего вблизи гумна с обязательной шатровой крышей.

Для гумен северной части Беларуси и Понеманья характерно устройство внутри гумна специального сруба (осеть или евня) с простейшей печью, что помогало досушивать

снопы. Экономист Шталь, высказывая в 1790 г. рекомендации о ведении сельского хозяйства в Могилевской губернии и приводя примеры из окрестностей Дубровно, отмечал, что большинство гумен малы («не более 360 снопов в них входит»), поэтому сушилка слишком сильно протапливает сооружение и зерно пересыхает. Но в то же время он встречал гумна и «до 30 сажень длинной» (более 60 м). Впоследствии этнографы действительно отмечали наличие на Поднепровье самых крупных в Беларуси гумен. А вот декоративных деталей гумна не содержали, достаточно было выразительности и рациональности конструктивных решений.

Большие размеры гумен делали эти сооружения заметными доминантами не только на усадьбах, но и в деревне. А так как их ставили в стороне от сооружений усадебных дворов, то они обычно размещались рядами в глубине земельных наделов. Эта часть деревни — «гумнішча» (которое, кстати, было излюбленным местом детских игр и забав), связывалась системой подъездных дорог с полями и дворами усадеб. Размещение гумен помогало фиксировать сложившееся в деревне распределение наделов. При делении земельного участка, допустим при получении наследства, нередко делили и само гумно, тем более что его конструктивное решение, основанное на сборности и разборности деревянных построек, позволяло это сделать. Разобранная часть гумна перевозилась на другое место и становилась основой нового здания, которое в свою очередь закрепляло факт появления нового земельного владения.

Гумен осталось немного, особенно в Восточной Беларуси. В период коллективизации гумно становилось ненужным в хозяйстве колхозника и его обычно разбирали и перевозили на колхозный двор. В некоторых районах Западной Беларуси их еще можно встретить, но сложность и стоимость ремонта значительной по площади высокой крыши дают основания говорить о том, что перспектив сохраниться этот тип зданий практически не имеет.

1 – Гумно в Ляховичах Зельвенского района

2 – Конструкция гумна в Войниловичах Несвижского района

3 – Гумно в Роскоши Брагавского района

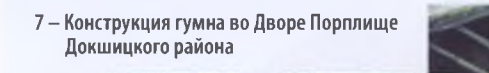
5 – Гумно в Нагорном Клецкого района

4 – Гумно в Ольховке Несвижского района

6 – Клуны в Хабовичах Кобринского района

7 – Конструкция гумна во Дворе Порплище Докшицкого района

8 – Манеж в Повитье Кобринского района

Адрына

Постройка, предназначенная для хранения снопов до обмолота, а также сена и соломы. Назначение ее универсально и могло меняться в зависимости от поры года и хозяйственных нужд. На Поозерье адрына — очень важное в функциональном плане сооружение: солнечных дней здесь меньше и убрать с полей зерно надо было как можно скорее. Здесь это сооружение со стенами каркасной конструкции с большими свесами огромной соломенной крыши. Например, адрына в Леговичском районе Поставского района стояла недалеко от гумна (рис. 9). Ее назначение определило архитектурно-конструктивное решение: каркасные стены из столбов, к которым прибиты жерди. Стены несут высокую соломенную крышу с типичной конструкцией «на козлах». Въезд один — с продольной стороны. Крыша противоположного фасада имеет небольшой, поддерживавшийся парой столбиков навес, под которым сушили картофельную ботву. Подобное конструктивное решение позволяло укрыть от осадков большое количество снопов и обеспечить их сушку. Ярко выраженная тектоническая основа определяла его художественный образ: понятна работа каждого конструктивного элемента. А вот в Понеманье и в Центральной Беларуси адрына — обычно рубленая постройка, но меньше размерами. Здесь ее чаще включали в комплекс усадьбы погонного типа, предназначалась она в таком случае и для хранения транспортных средств, орудий труда и сельскохозяйственного инвентаря. Но, как и в других местах, характерной

частью ее архитектуры являлось цельное, не разделенное перегородками внутреннее пространство.

Пуня

Постройка, повсеместно использовавшаяся для хранения сена. Ей также характерны легкие столбовые конструкции и надежная крыша. Пуни с рублеными стенами известны в основном в северных районах Центральной Беларуси (Минти Воложинского, Саковичи Логойского районов). В некоторых районах, на границе Центрального региона и Поднепровья, пуни использовались также для размещения крупного рогатого скота. Там стены обязательно рубленые, особое внимание уделялось надежности и прочности дверей. В Поднепровье функции хлева в этих постройках возрастали. Поэтому здесь в отличие от Центральной Беларуси пуню редко ставили в стороне от двора усадьбы, она обычно входила в состав веночного двора.

Сенница

Сооружение для хранения сена, наиболее известное в Поднепровье. В объемном построении основная роль отведена крыше. Стены невысокие, из тонких бревен, почти скрывающиеся под большими свесами кровли. Наряду с легкими каркасными крышами «на ключах» известны примеры рубленых покрытий (Зарой Климовичского района).

Стирта

10 — Стирта в Бискупцах Волковыцкого района

Эти небольшие постройки для хранения снопов известны сегодня только в достаточно узком регионе Понеманья (Волковыцкий, Зельвенский районы). А ранее они как сооружения для хранения снопов были распространены достаточно широко: фраза о том, что в ней «было жыта 100 коп и 80 коп», записанная в «Метрике Великого княжества Литовского» в 1542 г., относится к северу Беларуси — Друйской волости, и говорит о больших размерах сооружения, раз оно имело такую большую вместимость («копа» — одна из единиц измерений в те времена, равная 60). Сейчас стирта — это каркасная башнеобразная постройка с двускатной крышей, обычно стоит на огороде или в саду (рис. 10). Дощатые стены завершаются двускатной крышей. Пол обязательно приподнят над землей для обеспечения проветривания. Иногда ее делают в два яруса, при этом частью архитектуры становилась наружная лестница на второй этаж. Высотная композиция стирты и ее силуэт заметно активизируют композицию обычных для этого региона усадеб — погонных, так как они контрастны с протяженными объемами построек усадебного двора.

9 — Адрына из Легович Поставского района. Перевезена в Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта

Хлев

Сооружения для содержания домашних животных, как правило, имели цельное пространство, разделенное перегородками на отдельные части для различных видов животных. Это позволяло при необходимости изменять его планировку, приспособлявая к возникающим в быту крестьянской семьи потребностям. В составе хлева допускалось устройство кладовой, возовни, дровяника. Во многих случаях трансформация объема хлева осуществлялась за счет пристроек к основному объему, в которых обычно размещались свиньи или домашняя птица. Но размещение всех животных в одном объеме было традиционным. В самостоятельную постройку выделялся только свинарник. В хлеву по балкам устраивали настилы из жердей, пространство чердака («вышки») использовалось для хранения сена. Этим достигалось и утепление хлевов на зимний период.

Хлева в зависимости от объемно-планировочного решения делятся на два типа — линейной и замкнутой композиции. Первый тип в большей мере связан с погонной застройкой усадеб, где все помещения располагаются в одну линию под общей крышей. Независимо от того, членилось внутреннее пространство на отдельные части стенами или нет, хлева могли иметь несколько дверей. Наибольшее распространение линейная композиция получила в Понеманье, Центральной Беларуси, Полесье. Хлева Понеманья имеют более четкие объемно-планировочные построения. В Полесье они больше по размерам, сложнее по планировке, характеризуются наличием разнообразных пристроек (рис. 11). В них в большей мере, чем на Понеманье, используется основное требование к хлевам — возможность трансформации внутреннего пространства.

12 — Хлев в Гвоздовичах Поставского района

11 — Хлев в Руховичах Кобринского района

Хлева замкнутого типа обычно имели «дзяннікі» и больше связаны с архитектурой Поозерья. «Дзяннікі» делались в виде площадки под открытым небом, а хлева окружали ее с двух, трех, а то и с четырех сторон, образуя замкнутый комплекс. Хлева с денником закрытого типа строились на Поозерье. Общая крыша перекрывала их значительные пролеты (рис. 12). Крупный хлев с «денником», как открытого, так и закрытого типа, называли «аборай». На пограничных территориях распространения различных типов усадеб встречаются композиционные решения, объединявшие оба вида хлевов в одном сооружении — так называемые Г-образные хлева (Канатиха Вилейского, Коренищецы Мядельского, Шарин Ельского районов), связанные с известными здесь ранее усадьбами веночного типа.

Следует отметить, что на строительство хлевов часто шла второсортная древесина, лиственные породы, тонкомер или бревна из разобранных построек, но еще на что-то пригодные. Не всегда удавалось обеспечить тщательную

подгонку элементов, так как из-за кривизны и малых диаметров бревен плохо получались продольные соединительные пазы. Крестьяне старались утеплить хлев, сделать его удобнее, особенно это касалось свинарников и овчарен. Об этих особенностях быта белорусского крестьянства свидетельствует старинная народная примета: в хлеву обязательно надо законопачивать все дыры и щели, «чтобы ведьма не пролезла». Но ведь это естественное требование. И конечно же, не темнота и неграмотность крестьянина, а тяжелое экономическое положение — основа подобных суеверий и заблуждений.

Большое распространение в хлевах получили столбовые конструкции стен, крыши на сохах. Эти экономичные способы строительства наилучшим образом позволяли при необходимости трансформировать внутреннее пространство. На Полесье, где все же теплее, широко распространены были хлева, столбовые стены которых имели заполнение из плетня (рис. 13) или даже полностью состояли из него, так называемые «лазянкі».

13 — Хлев в Колыбани Брагинского района

Повесть

Это особое сооружение — в Беларуси повесть строили повсеместно, и организация ее основана как бы на обратном принципе: не на стремлении максимально захватить пространство и огородить его, а, наоборот, на максимальной открытости. Конструкций немного — столбы по углам и одно- или двускатная крыша. В лучшем случае делали заднюю стенку (со стеной лучше, меньше задувает).

Такое сооружение хозяйственного назначения («паветка», «паднавес» — в Шкловском районе) было практически на каждой усадьбе. Часто повесть служила чем-то вроде связи между отдельно стоящими строениями, или ее пристраивали к какой-нибудь постройке. А уж если пристраивали, то и вовсе получалось очень уютное пространство — любимое место детских игр и забав. А уж как это место любят куры — и от солнечной жары спрячешься, и от дождя. Это и наилучшее место для работы хозяина — укрытие от ветра и дождя, и в то же время все видно и слышно, работаешь — и в то же время в курсе всего, происходящего на усадьбе. Когда повесть свободна, то это было обычное место для телеги. Вот как писал Якуб Коласа о повести:

«На прыгуненні, поруч з садам,
Павець з гумном стаяла радам,
А пад паветкаю прылады:
Вазок, калёсы, панарады,
Старыя сані, восі, колы
І вуляў некалькі на пчалы...»

Организация повести во многом подчинена функции, поэтому место ее было не случайным, а максимально удобным. Нередко она появлялась потом, в процессе жизни семьи, как ответ на производственно-бытовые процессы. Но в большинстве случаев ее планировали сразу же при строительстве усадьбы. Повесть требовала так мало материала на ее сооружение, что в пору можно было бы говорить лишь об утилитарном ее предназначении. Но следует отметить, что немаловажным фактором была ее художе-

ственная выразительность, которая основывается на присоединении открытого пространства к объему. Глубокое затененное внутри повесть пространство создает контрастность, которая всегда активизирует общее композиционное решение, например, очень выразительно на фоне теней смотрятся освещенные вертикали столбов. Возможно, еще и поэтому повесть, как тип сооружения, была чрезвычайно распространена, а ее светотеневые эффекты способствовали и развитию форм популярной темы в белорусском плотничестве — галереи на столбах с подкосами. Кстати, многие дома и хозяйственные постройки, возведенные в наши дни по проектам, которые вроде бы должны предусматривать все, что необходимо, затем прирастают всякого рода пристройками, среди которых наиболее популярны именно повесть в виде навесов. Поэтому, возможно, целесообразно уже на стадии проектирования предусматривать эти традиционные пристройки в виде повестей, устраняя последующую самодеятельность.

Мурня

Само название говорит о ее особенности — возведена из глины, «змурваная». В ней хранили зимой ульи (рис. 14). С торца вход через низкую дверь, по центру продольного корпуса проход, а по сторонам размещали домики для пчел (Коротьки Кормянского района). Невысокие стены здания действительно делали из глины, но по углам и вдоль стен установлены столбы, которые сверху соединены обвязкой из бревен. Именно эта конструкция, а не стены поддерживает крышу. Мурня известна на Поднепровье (в рубленом варианте — «імшанік»), а на остальной части Беларуси такого назначения постройки были редкостью, чаще ульи вносили в гумно или просто прикрывали соломой под свесами крыши.

14 — Мурня в Коротьках Кормянского района

Баня

Своими небольшими размерами, несложным интерьером и печью-каменной она напоминала древнее жилье человека. Нередко летом в бане кто-нибудь жил. Но в бане не только мылись, жили, но и делали кое-что по хозяйству, например, трепали лен, чесали шерсть. Это единственное из всех строений усадьбы, где, как и в хате, переступая порог, говорились заговоры, которые должны были уберечь от нечистой силы.

Издавна строили бани в бассейнах Свислочи, Березины, Вилии, однако наиболее распространены они были в бассейнах Западной Двины, Днепра, Сожа, что не только показывает географию распространения этого типа строений, но и свидетельствует об одной из множества общих черт этнических комплексов Беларуси и России, известной своим мастерством строить и оборудовать бани.

Баню рубили из плотно уложенных бревен, мшили. Фундамента обычно не делали, но нижние венцы снаружи для утепления присыпали землей. Двери — невысокие, традиционно низкой делалась и сама баня — нередко ниже 2 м от пола до потолка. Окошки — одно-два, также маленькие, в виде щелей, высеченных в смежных венцах. Крыша обычно двускатная или четырехскатная, а кровля — из досок, гонта или соломы.

В углу у входа находилась сложенная из камней печь. На ней сверху также лежали камни, которые нагревали (раскаливались докрасна) для получения пара. Около печи вдоль стены делали полок, на котором парились. Высота его была такова, что на этот полок необходимо было как бы взлезать, отчего и пошло белорусское название бани — «лазня». Полок мог иметь несколько ярусов. На верхнем ярусе не каждый мог долго находиться, выдерживали лишь самые ярые любители попариться. Вдоль двух других стен ставили низкие лавы. Пол всегда из досок. Дополняло несложный интерьер оборудование: две дежи разных размеров, корыто, конаука, чтобы черпать воду. Баня имела еще одно помещение — примыльник («прылазнік», «прадбаннік»), где можно было раздеться, оставить одежду, отдохнуть. Справедливости ради следует отметить, что нередко эта часть бани делалась всего лишь в виде крытого навеса.

Цепочки бань вдоль берега реки или озера (рис. 15) всегда создавали уголки деревни, наполненные лирикой, с одной стороны вроде бы и уединение, все-таки для мытья, а с другой — в стороне от основного двора, от замкнутых и жестких структур, на свободе. Время, конечно, изменило баню. Так, курная печь заменена пе-

чью с трубой. Но качества, присущие древним баням, как правило, учитываются и сохраняются. Расширились и зоны распространения бани на всю территорию Беларуси.

Конечно же, как и хату, само строительство хозяйственных построек и их обслуживание сопровождали соответствующие ритуалы и обряды, которые все члены семьи старались выполнять, чтобы, как они полагали, быт семьи гармонично сочетался с их представлениями о строении Мира. Не говоря уже о «дамавіке» или «плячурніке», которые имели отношение к хате, надо было уважительно относиться к «паветніку», который проживал в повети и мог очень сильно рассер-

диться, если что-то делалось не по-хозяйски. А живший в хлевах «хлеўнік» обычно симпатизировал хозяевам, но, рассердившись на них, также очень даже мог навредить. Поэтому его следовало уважать; «хлеўніка» семья приглашала с собой при переходе в новые постройки — для этого существовали специальные обряды. А вот «лазніка», который якобы самовольно поселялся в бане, никогда не звали с собой, так как он считался непрошеным гостем и его откровенно побаивались. И это все объяснимо, так как человек тогда имел основание считать, что не только хата, но и усадьба, не говоря уже об окружающем мире — реке или озере, лесах и дубравах, были средой, где вместе с людьми обитало и множество таинственных, мифических существ и духов. А что касается бани, то

ведь она действительно при неправильном обращении опасна: и угореть можно, да и много чего может произойти другого.

В помещичьих усадьбах из строений гуменной группы или скотного двора ближе к усадебному дому размещали только конюшню. Она обычно просматривалась из панского дома, все, что в ней находилось, — лошади, повозки, сбруя, всегда было предметом гордости хозяина, нередко демонстрировалось гостям. Поэтому и архитектура их получала какие-то особенные черты. А в конструктивном отношении обычные конструктивные решения крестьянских строений нередко существенно усложнялись из-за значительно больших размеров зданий, так как пролет и в 15 м не был редкостью.

15 – Бани в Ласице Поставского района

«Взгляни на деревянный дом»

*Пмножь его на жизнь. Помножь
На то, что предстоит потом.
Полученное бросит в дрожь
Иль поразит параличом,
Оцепенением стропил,
Бревенчатостью, кирпичом —
Всем тем, что дымоход скопил.*

*Пространство, в телескоп звезды
Рассматривая свой улов,
Ломящийся от пустоты
И суммы четырех углов,
Темнеет, заражаясь не-
Одушевленностью, слепой
Способностью глядеть вовне,
Ощупывать его тропой.*

*Он — твой не потому, что в нем
Все кажется тебе чужим,
Но тем, что, поглощен огнем,
Он не проговорит: бежим.
В нем твой архитектурный вкус.
Рассчитанный на прочный быт,
Он из безадресности плюс
Необитаемости сбит.*

*И он перестойт века,
Галактику, жилую часть
Грядущего, от паука
Привычку перенявши прясть
Ткань времени, точнее — бязь
Из тикающего сырца,
Как маятником, колотясь
О стенку головой зильца.*

Иосиф Бродский